



З.Е.Серебрякова. Автопортрет. 1911

тем он интереснее, а чем субъективнее, тем больше он отдает себя, тем больше он, следовательно, автобиографичен». Бунин поясняет: автобиографичность — это не «использование своего прошлого в качестве канвы произведения», а «использование своего, только мне присущего, видения мира и вызванных в связи с этим своих мыслей, раздумий и переживаний»².

На уроке зачитываем выдержки из дневника племянника Бунина, литератора Н.А.Пушешникова, свидетельствующие о том, как требователен был писатель к себе, как часто бывал недоволен написанным.

«Я, вероятно, все-таки рожден стихотворцем, — приводит Пушешников слова Бунина... — Мне хочется писать без всякой формы, не согласуясь ни с какими литературными приемами. Но какая мука, какое невероятное страдание литературное искусство! Я начинаю писать, говорю самую простую фразу, но вдруг вспоминаю, что подобную этой фразе сказал не то Лермонтов, не то Тургенев. Перевертываю фразу на другой лад, получается пошлость, изменяю по-другому, — чувствую, что опять не то, что так пишет Амфитеатров или Брешко-Брешковский. Многие слова — а их невероятно много — я никогда не употребляю, слова самые обиденные... Не могу. Иногда за все утро я в силах, и то с адскими муками, написать всего несколько строк. Я не знаю, как должен оплачиваться такой анафемский труд. <...>»

Вспоминал Пушешников слова, сказанные ему Буниным, когда они гуляли по лесной просеке вблизи Глотова: «Вот, например... как сказать обо всей этой красоте, как передать эти краски, за этим желтым лесом дубы, их цвет, от которого изменяется окраска неба. Это истинное мучение! Я прихожу в отчаяние, что не могу этого запомнить. Я испытываю мутность мысли, тяжесть и слабость в теле. Пишу, а от усталости текут слезы. Какая мука наше писательское ремесло... В нашем ремесле ужасно то, что ум возвращается на старые дороги... А какая мука найти звук, мелодию рассказа, — звук, который определяет все последующее! Пока я не найду этот звук, я не могу писать. <...>»³

Даже в пору творческого расцвета Бунин был необычайно придирчив к себе. Нельзя работать, творить, считает писатель, «как птица поет», полагаясь только на свой талант: художественное произведение нужно строить. Создавая свои самые знаменитые вещи, Бунин нередко жалуется на «каторжный труд» писателя. По сохранившимся бунинским черновикам видно, как достигал он той неповторимой силы выразительности, того неподражаемого стиля, по которому его, Бунина, можно было узнать безошибочно. Он не терпел многословия, освобождался от излишних эпитетов, создавал свою прозу плотной, что позволило Чехову сравнить ее с слишком «густым бульоном».

Особенно западают в душу старшеклассников слова Бунина о том, что, перед тем как взяться за новую вещь, ему необходимо сперва найти звук, мелодию рассказа, и это определяет все последующее звучание, тональность его прозы. И еще бунинское высказывание о том, что настоящий писатель — тот, который, когда пишет, видит то, что пишет.

В.П.Катаев, считающий себя учеником Бунина, в очерке «Трава забвения» (1967) рассказывает о своих встречах с Иваном Алексеевичем и о том, как тот учил его писать. На занятии по развитию речи зачитываю отрывки из катаевского очерка или пересказываю отдельные фрагменты.

Ознакомившись со стихами одного начинающего поэта, Бунин охарактеризовал их как «манерные, кокетливые, неопределенные, неясные, претенциозные, наконец, зачастую просто не по-русски написанные». Новичок искренне удивился, почему Бунин «не признает в поэзии заумного», что тогда, в 20-е годы, принималось многими. Писатель остроумно парировал: «Раз оно заумное, то, значит, по ту сторону ума, то есть глупость». Старшеклассникам нравится этот замечательный афоризм. К тому же они видят, как легко в словесном поединке создает его писатель.

Бунин развивает мысль о том, что «поэзия — это ежедневный труд»: «Писать стихи надо каждый день, подобно тому как скрипач или пианист непременно должен каждый день по нескольку часов играть на своем инструменте. А о чем писать? О чем угодно. Если у вас в данное время нет никакой темы, идеи, пишите просто обо всем, что увидите»⁴.

«Давать имя окружающим вещам — быть может, это одно и отличает человека от другого существа. Но у меня нет такого запаса слов, чтобы назвать миллионы существ, понятий, вещей, окружающих меня. Это мучит».

«...Вы пришли в отчаяние от того, что все уже сказано, все стихи написаны до вас, новых тем и новых чувств нет, все рифмы давно использованы и затрепаны; размеры можно перечесать по пальцам: так что в конечном итоге сделаться поэтом невозможно. <...> Но это, милостивый государь, вздор. Каждый предмет из тех, какие окружают вас, каждое ваше чувство есть тема для стихотворения. Прислушайтесь к своим чувствам, наблюдайте окружающий вас мир и пишите. Но пишите так, как вы чувствуете, и так, как вы видите, а не так, как до вас чувствовали и видели другие поэты, пусть даже самые гениальные. Будьте в искусстве независимы. Этому можно научиться. И тогда перед вами откроется неисчерпаемый мир подлинной поэзии. Вам станет легче дышать»⁵.

Навсегда усваивает себе Катаев несколько бунинских рекомендаций: «Такт, точность, краткость, простота». Что подразумевает Бунин под простотой? «Уж чтобы проще некуда! Существительное, глагол, точка, ну — может быть! — самое необходимое придаточное предложение, по-детски ясное. Как басня. Как молитва. Как сказка. Случилось соловью на шум их прилететь. Ворона видит сыр, ворону сыр пленил»⁶. Бунин говорит о простоте как следствии очень большой работы над фразой, над отдельным словом.

Заставляет задуматься старшеклассников и бунинский совет не писать прямо на машинке, так как «само творчество, самый процесс сочинения <...> заключается... в той таинственной связи, которая возникает между головой, рукой, пером и бумагой, что и есть собственно творчество».

Бунин остерегает: «Когда вы сочиняете непосредственно на пишущей машинке, то каждое выстуканное вами слово теряет индивидуальность, обезличивается, в то время как, написанное вами собственноручно на бумаге, оно как бы является матерьяльным, зримым следом вашей мысли — ее рисунком, — оно еще не потеряло сокровенной связи с вашей душой — если хотите, с вашим организмом, — так что если это слово фальшиво само по себе, или не туда поставлено, или неуместно, бестактно, то вы это не только сейчас же ощутите внутренним чутьем, но и тотчас заметите глазами по некоторому замедлению, убыстрению и даже изменению почерка. Одним словом, ваш почерк — единственный, неповторимый, как часть вашей души, — просигнализирует вам, если что: «Не то!»...»

Учащиеся записывают в тетради мысли Бунина о писательском труде, делятся впечатлениями об услышанном.

Как известно, сами учителя сочинения не пишут. А жаль. Совсем плохо, если мы откажемся от большего воздействия на процесс создания письменной работы старшеклассниками. Я имею в виду творческую помощь пишущему — квалифицированный совет о построении сочинения, его форме, жанре, языке, участие в поиске и выборе интересной темы, тщательном ее обдумывании.

Приступая к каждой новой теме, не устаю напоминать, что тема сочинения — это то, что положено в основу содержания, это анализируемый предмет. Любая тема обязательно содержит в себе проблему — вопрос, требующий исследования и разрешения. Идея — главная мысль сочинения — это ваш ответ на вами поставленный в теме вопрос. Значит, любая тема содержит в себе проблему-вопрос, которую сам пишущий должен увидеть, понять, осмыслить и раскрыть. Важнейший компонент работы, идея цементирует наше высказывание, помогает сделать его единым, стройным, логичным и законченным. Без идеи нет сочинения. Идея сочинения отражается в плане, без которого немислима никакая работа. План помогает «построить» сочинение. Вместе с учениками мы придумываем название сочинения — назывное предложение, затем находим проблему-вопрос и тщательно продумываем логику ответа на него.

Тема сочинения подобрана: «Любовь в понимании И.А.Бунина». Продумана литературоведческая задача для пишущего сочинение: еще раз, с целью собрать материал для темы, перечитать, исследовать тексты наиболее понравившихся новелл, проанализировать их, делая акцент на окрашенность